

ЗВЕЗДА РУНЕТА • ТРИЛЛЕР

Элеонора Пахомова

РОЗА И КРЕСТ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
П21

Серия «Звезда Рунета. Триллер»
Серийное оформление: *Юлия Межова*

Пахомова, Элеонора Сергеевна
П21 Роза и крест / Элеонора Пахомова. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 347, [4] с. — (Звезда Рунета. Триллер).

ISBN 978-5-17-107549-1

Что скрывается за чередой диких ритуальных убийств в сердце Москвы? Отголоски прошлого или мистические веяния современности?!

Это не просто детектив или психологический триллер. Автор изображает таинственный расклад Старшего аркана Таро. Считается, что Таро хранят в себе тайну мироустройства.

Это книга о вере и безверии, о силе и слабости, об истинной и ложной любви, о Боге и Дьяволе.

Отточенный стиль и мастерское сочетание несочетаемого — то, что отличает «Розу и крест».

© Элеонора Пахомова, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

*Все события и персонажи вымышлены.
Любые совпадения случайны*

I

ДУРАК

Мирослав Погодин рассматривал фотографию трупа с отвращением и любопытством. Да, пожалуй, это действительно по его части.

По другую сторону стола сидел майор полиции Иван Замятин, всем своим видом выражая надежду, что эксперт по вопросам оккультизма Погодин вот так вдруг возьмет да и выдаст — как зовут убийцу и где его искать. По понятным причинам Мирослав Погодин сделать этого не мог. Все, чем на данный момент можно было порадовать майора, — это подтвердить его предположение, что убийство относится к разряду ритуальных, и что он, Погодин, готов предложить свои услуги консультанта и тем самым оказать посильную помощь следствию.

На майора жалко было смотреть. Переступив порог места преступления несколько часов назад, единственное, что он смог произнести, были слова: «Твою мать...»

— Твою жешь мать...— снова повторил Замятин, приглядевшись к трупу внимательней.

Тут было от чего лишиться способности изъясняться нормативной лексикой. К моменту появления майора следственно-оперативная группа уже работала на месте преступления, хотя слово «работа» вряд ли подходило для описания действий криминалистов. Два человека стояли возле трупа, третий присел на ручку кресла рядом с покойным, предварительно накрыв ее листом целлофана. Судя по мизансцене, наблюдатели пытались сообразить, как в Москве XXI века могла материализоваться такая дичь.

Пожилой профессор психиатрии, весьма уважаемый в кругу коллег человек, лежал в своем кабинете для частных приемов на западной окраине столицы мертвый и оскверненный. Его левая нога была выпрямлена, правая согнута в колене и помещена на левую так, что вместе они напоминали цифру 4. Правая рука, сжатая в кулак, лежала в районе пупка, левая, вытянутая на полу, указательным и средним пальцами являла знак V (Victory). Рубашка на профессоре была разорвана, на груди алела пятиконечная звезда, вырезанная на плоти покойного. Дальше — одна сплошная кровяная. Шея и лицо жертвы были сплошь покрыты багровой коркой.

— Смерть наступила около двенадцати часов назад, предположительно от ножевого ранения шеи в области сонной артерии. Помимо всего

1. ДУРАК

прочего, у трупа вырезан язык, — выдал первым оправившийся от шока криминалист, присев на корточки у головы покойного. — В кулаке, кажется, что-то зажато. Что именно, сможем узнать при вскрытии.

«Ну, все! Накрылся отпуск!» — подумал Замятин. За годы службы он, конечно, насмотрелся всякого, но пятиконечные звезды до сих пор ему являлись лишь на погонах, если оставить в стороне пионерское детство. Это вам не бытовуха, не устранение конкурента по бизнесу, не любовная история с трагическим финалом. Это, мать ее, пятиконечная звезда, вырезанная на теле, выдраный язык и куча непонятной символики. Чуешь, чем пахнет, майор?

Нюх у Замятина был отменный, как у русской борзой с безупречной родословной, на том и стоял. Это чутье (или, как он сам его называл, чуйка) и привело его к майорским погонам. Чем пахнет это убийство, он сейчас ощущал отчетливо. Пахнет оно серией. Здесь явно поработал псих, ново-явленный маньячара, одной жертвой его подвиги наверняка не ограничатся. Если этот отморозок войдет во вкус, дело получит широкую огласку. О ритуальных серийных убийствах в Москве будут кричать все СМИ, возможно, не только российские. За такого «клиента» начальство три шкуры сдерет, мало не покажется. Психа надо искать быстро, очень быстро, на предельных оборотах, пока миру не явился второй Чикатило.

Псих — ха! — а кто еще мог приговорить профессора психиатрии? Такая вот ирония судьбы. Сколько моральных уродов прошло через него лет так за тридцать практики? Сотни? Тысячи? При этом и другие версии исключать пока рано.

— Кто обнаружил тело? — мрачно поинтересовался майор.

— Секретарша, она сидит в приемной.

Для ведения частной практики профессор оборудовал двухкомнатную квартиру на первом этаже панельной высотки. Попасть в нее можно было не только через подъезд — в стене одной из комнат, проходящей в задней части дома, оборудовали дверь, к ней с улицы вела металлическая лестница. Эта комната служила приемной, сразу за ней находился санузел, за ним — кухня, справа от кухни — кабинет. В кабинете лежал истерзанный труп профессора, в приемной, трясясь всем телом, сидела секретарша, двумя руками сжимая стакан воды. На столе рядом с ней лежал на треть опустошенный блистер «Атаракса».

На вопросы майора эта женщина средних лет в строгом юбочном костюме с дурацким белым жабо под подбородком поначалу отвечала, сильно заикаясь и кое-как. Замятину удалось понять следующее: вчера у нее был отгул (что-то с ребенком), профессора она обнаружила в девять тридцать утра, как только приехала на работу. В дни ее отсутствия светило психиатрии делал пометки о приемах и записях собственноручно на бумаге

1. ДУРАК

для принтера, потом отдавал их секретарше, та вносила данные в электронную базу. Замятин сразу же справился, обнаружен ли листок. Ответ: нет. Листок искать всем миром! Электронная база клиентов, к счастью, была и хранилась на жестком диске в ноутбуке секретарши, вот он, нетронутый, лежит на ее рабочем столе. Удача и чудо! Но, видимо, лишившись от шока всякой способности соображать, секретарша судорожно мотала головой и говорила, что базу не отдаст, профессор строжайше запретил разглашать хоть какую-то информацию о клиентах — врачебная тайна, профессиональная этика. Дура!

— Профессор убит! — рывкнул Замятин, изрядно устав сюсюкать с невменяемой женщиной и разбираться в ее нечленораздельной речи.

Секретарша вздрогнула и разрыдалась с новой силой. Твою мать...

— Какого рода клиенты обращались к профессору? — мягко зашел майор, когда она слегка успокоилась.

— В последние годы Евгений Павлович сосредоточился на богатой клиентуре, — заикаясь, проговорила собеседница и попыталась отпить глоток воды. Замятин услышал, как зубы клацнули о край стакана. Она сделала глубокий вдох, поставила стакан на стол, постаралась взять себя в руки. Получалось это у нее паршиво, но уже хоть как-нибудь. — Профессор принимал элиту общества, в основном бизнесменов, некоторые

из них — птицы очень высокого полета, публичные персонажи, ну, знаете, телезвезды, артисты, обращались к нему и политики. Больше половины его пациентов составляли женщины, в основном жены богатых людей.

«Час от часу не легче»,— подумал Замятин. Попробуй-ка вызвать на допрос какого-нибудь нефтемагната или хотя бы постучать к нему в дверь со своей ментовской корочкой. Да одного косо-го взгляда в его сторону хватит, чтобы он набрал нужный номер и майора распластали в кабинете начальства, как муху на стекле. Что уж говорить о политиках с их депутатской неприкосновенностью? «Так, ладно,— быстро соображал он.— Голь на выдумки хитра, есть у меня одна мыслишка на ваш счет, „неприкосновенные“. Если Серега разговорится, доберусь я и до вас. Но это после».

— У профессора были конфликты с пациентами?

— Да что вы! Евгений Павлович — гений, светило! Он видел людей насквозь, некоторые пациенты на его приемах рыдали как дети. Профессор умел вытаскивать из них то, что годами, десятилетиями не давало им жить легко. Ампутировал, как хирург, все их внутренние болячки, опухоли, гнойники. Они были ему бесконечно благодарны.

— У него были тяжелые пациенты? Совсем запущенные случаи отклонений от нормы? Психи, короче говоря...

1. ДУРАК

— Хроники,— поправила секретарша.— На частных приемах с такими пациентами Евгений Павлович не работал. Несмотря на свою квалификацию высочайшего уровня, для клиентов, которые обращались к нему в личном порядке, он выступал больше в роли психолога и психотерапевта. Люди с глубокими патологиями редко осознают, что у них проблемы, поэтому сами за помощью не обращаются. Тем более профессор целенаправленно сосредоточился на обеспеченной публике, такса за прием у него была соответствующая, не многим по карману, поэтому и контингент был относительно благополучный. Но я подчеркну: относительно. Когда речь идет о проблемах с психикой, социальный статус не так много значит, ведь разрушительная травма могла быть получена еще в детстве. Но если с этой травмой человек дожил до зрелости и при этом достиг успехов, значит, психика с ней справляется, блокирует. Были, правда, среди клиентов пограничники, ну, знаете, люди в пограничном состоянии, на грани шизофрении, например. Но если профессор работал с ними, значит, считал, что ситуацию можно скорректировать, не все так патологично.

— А если профессор видел, что ситуацию исправить уже нельзя, как он поступал? — спросил майор, а про себя отметил, что успокоительное наконец подействовало. Женщина теперь выглядела расслабленной, заторможенной, обмякшей.

Взгляд ее подолгу зависал в одной точке, а речь бесстрастно лилась сама собой.

— Я же вам сказала, люди в таком состоянии сюда не приходили,— устало проговорила она.— Но, думаю, если бы Евгений Павлович столкнулся с таким случаем, возможно, он посчитал бы нужным связаться с родственниками, а может, с сотрудниками госучреждений. Если человек потенциально представляет опасность для окружающих, он должен находиться в стационаре.

«Хватит с нее на сегодня»,— решил майор. Он отдал необходимые распоряжения, скинул на флешку нужную информацию из ноутбука и вышел на крыльцо металлической лестницы. По правую руку от него возвышалась Триумфальная арка, впереди за деревьями шумела площадь Победы, вдоль нее тянулся Кутузовский проспект, ведущий напрямик на Рублевку. Именно там жили те клиенты профессора, заниматься которыми майору хотелось меньше всего. Но они — лишь малая часть потенциальных подозреваемых, нельзя забывать и про ближний круг профессора, родственников, коллег, а главное — бывших пациентов, которые прошли через светило за годы работы в госучреждениях, если из них кто-то вообще выходил из стен психбольниц на волю. Таких случаев, скорей всего, немного.

Но нюх подсказывал Замятину, что искать нужно именно здесь. Профессора убили в кабинете для частных приемов. Мог ли он, человек,

1. ДУРАК

прекрасно понимающий внутреннюю природу людей, собственноручно распахнуть крепкую металлическую дверь с тремя замками перед шизоидом, которого когда-то закалывал в психушке ами-назином до пузыристых соплей? Вряд ли. К тому же листок, на котором он должен был делать пометки о приемах в тот день, исчез. А секретарша заверила, что этой процедурой светило никогда не пренебрегал. Выходит, убийца листок забрал, а раз забрал — значит, там была запись о его ожидаемом визите.

В любом случае надо, прежде всего, разобраться, что за inferнальная вакханалия царит в голове у убийцы. На чем именно у него поехала крыша. Это поможет ощутимо сузить круг подозреваемых, задаст вектор поисков. Майор глубоко вдохнул сухой горячий воздух августовской Москвы. Столица, похоже, бьется в последних судорогах знойной агонии — воздух раскалился, дышать совершенно нечем, в Подмосковье горят леса, и это после дождливого и зябкого июля. Черт знает что. В такую жару кто угодно свихнуться может. Думай, майор. В жару думать трудно, но надо. Он вышел из квартиры, спустился по лестнице, прошагал каких-нибудь сто метров по направлению к проспекту, свернул на площадь, сел на лавочку и закурил.

Пятиконечная звезда, непонятная поза, явно неслучайная, язык. Нужен кто-то, кто понимает в чертовщине. Минуточку... Как же звали того

щеголя, который полгода назад читал для сотрудников органов лекцию о сектах? Замятин набрал телефон управления, навел справки. Через десять минут он уже звонил Мирославу Погодину. Будем надеяться, что эксперт по оккультизму разъяснит, что в голове у этого психа и по каким признакам его искать.

Связаться с Погодиным удалось быстро. К радости майора, эксперт оказался не занят и проявил живейший интерес к его просьбе. Через полтора часа он уже сидел в кабинете Замятина, рассматривая фотографии жертвы.

— Ну что ж, Иван Андреевич, вы правы, признаки некоего ритуала в данном случае налицо. Какие именно и что конкретно они означают, смогу сказать вам чуть позже — сегодня вечером или завтра утром. Мне надо подумать.

С этими словами Погодин неторопливо встал, пожал приунывшему майору руку, добавив мягко, но уверенно: «Я вам позвоню», и вышел из кабинета.

Мирослав не любил суеты. Суета и спешка лишь путали мысли, создавали ненужное напряжение, мешая приблизиться к истине. Погодин знал, что четкое, ясное понимание сути вещей приходит как озарение — яркой, неожиданной вспышкой, в гармонии и покое. Чем меньше лишних, натуж-

1. ДУРАК

ных мыслей в голове в этот момент, тем очевидней и ярче одна, единственно верная, ее уже ни с чем не спутать. Все, что нужно, — настроиться на поиск ответа, как он говорил — включиться в поток. И подождать.

Поэтому он положил фотографии трупа в карман легкого льняного пиджака, рукава которого были по-пижонски на треть подвернуты, посмотрел на часы — Breguet Classique Complication с прозрачным механизмом (подарок отца по случаю защиты кандидатской) и решил, что самое время отобедать.

Он щелкнул брелоком сигнализации, уселся в свой кабриолет Maserati Gran Cabrio Sport и покатил с Петровки на Тверскую, на веранду ресторана, расположенного на крыше отеля «Ритц-Карлтон» — некогда знаменитого «Интуриста».

Разместившись под белым тентом и бесстрастно созерцая копошение гостей столицы на подходах к Красной площади, Мирослав чувствовал на себе заинтересованные взгляды юных и желающих казаться юными девиц. Он знал, что хорош собой — высок, статен, с каштановыми, почти черными, волосами, которые волнистыми локонами спускались чуть ниже мочек ушей, с синими, как вода в ледяной проруби, глазами, с безупречными чертами лица, в котором было что-то скандинавское. К тому же он прекрасно отдавал себе отчет, что его природное обаяние в разы усиливается отцовскими «Брегетами» и другими атрибутами роскошной